

Багаутдинова Гульзада Гадульяновна

ФАКТОРЫ РИТМИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ В ПОВЕСТИ И. А. ГОНЧАРОВА "СЧАСТЛИВАЯ ОШИБКА"

Предметом изучения является малоизученный аспект гончароведения - ритм художественной прозы. В статье выявляются основные принципы ритмической прозы - звуковые, лексико-грамматические повторы, синтаксический параллелизм - в сопоставлении с другими произведениями писателя. Формулируется и выявляется новый ритмообразующий фактор художественной прозы - антитетический параллелизм. Устанавливаются определенные закономерности ритмообразования в творчестве И. А. Гончарова. Ритм определяется как эстетический маркер художественности прозы писателя. Автор статьи приходит к выводу о том, что ритм, наряду с комическим, является одной из специфических особенностей поэтики гончаровской прозы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/2-2/1.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 2(68): в 2-х ч. Ч. 2. С. 10-12. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

10.01.00 ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1

Предметом изучения является малоизученный аспект гончароведения – ритм художественной прозы. В статье выявляются основные принципы ритмической прозы – звуковые, лексико-грамматические повторы, синтаксический параллелизм – в сопоставлении с другими произведениями писателя. Формулируется и выявляется новый ритмообразующий фактор художественной прозы – антитетический параллелизм. Устанавливаются определенные закономерности ритмообразования в творчестве И. А. Гончарова. Ритм определяется как эстетический маркер художественности прозы писателя. Автор статьи приходит к выводу о том, что ритм, наряду с комическим, является одной из специфических особенностей поэтики гончаровской прозы.

Ключевые слова и фразы: ритмическая проза; звуковые повторы; лексические повторы; синтаксические аналогии; ритмические факторы; ритмообразующие принципы; функция ритма.

Багаутдинова Гульзада Гадильяновна, к. филол. н., доцент
Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола
gbagautdinova@yandex.ru

ФАКТОРЫ РИТМИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ В ПОВЕСТИ И. А. ГОНЧАРОВА «СЧАСТЛИВАЯ ОШИБКА»

Ритмическая организация произведений И. А. Гончарова – наименее изученный аспект поэтики писателя. Научные работы весьма малочисленны: три работы посвящены романам писателя [4; 6; 9], две статьи написаны о ритме в «Лихой болести» (1838) и «Пепиньерке» (1842) [2; 3]. Предметом исследования данной статьи являются факторы ритмической прозы в «Счастливой ошибке» (1839) И. А. Гончарова.

Основы теории ритмической прозы, как известно, заложил В. М. Жирмунский, по мнению которого ее основу образуют различные формы грамматико-синтаксического параллелизма, образующие композиционный остов [7]. Как правило, синтаксический параллелизм («высший уровень») поддерживается звуковыми и лексико-грамматическими повторами, которые образуют, по словам ученого, «низший уровень» в создании ритмической прозы.

1. Лексико-грамматические повторы

Наиболее частотно повторяющимися лексемами являются: *сумерки, общество, молодой человек, любовь, сердце, страсть, высший свет, слеза, чувство, счастье, гордая, красавица, тоска, волнение, спокойствие, воображение, мечта, жизнь, бал, судьба, холод, одиночество, страдание, душа, суета, взоры, старик и др.*

2. Звуковые повторы

Дополнительная ритмизация создается и различными аллитерационными повторами согласных [с], [ст], [в], [ч]: «Тоска глубоко впиалась в его сердце, червь отчаяния сильнее шевелился в груди среди чада великолепного бала; молодой человек сильнее чувствовал **свое одиночество**» [5, с. 93]. Или: «Мучительно оскорбить человека и **вдобавок человека**, которого любишь, и **страдать** без прощения, ежеминутно сознавая **вину...**» [Там же, с. 95] (*здесь и далее выделено автором статьи – Г. Б.*). Подобный ритмообразующий прием встречается не только в ранних произведениях писателя, но и в романном творчестве. Например, в «Обыкновенной истории» (1847) Анна Павловна говорит своему сыну, Александру Адуеву: «**Женился бы...** и **жил бы без горя, без забот**, и прожил **бы** век свой мирно...» [Там же, с. 177].

3. Перечисление однородных членов предложения

Ритмизация создается и перечислением однородных членов предложения: подлежащих (*путник, купец, живописец, поэт*); сказуемых (*поцеловать, танцевать, приехать, заслужить; вышел, вызвал, облекся, пошел; наклоняет, поднимает, поворачивает; шел, не слышал, не чувствовал*); дополнений (*трудом, бегом, суматохой; Гамбса, Юнкера, Плинке; приемами, взглядами, речами; мастеровых, работниках, магазинщицах; шепота, признания, пожимания рук*); определений (*робкие, чувствительные, пламенные, страстные*); обстоятельств (*тихо, безмолвно, медленно*).

Этот ритмообразующий прием встречается и в других ранних произведениях Гончарова [2; 3], а также в романе «Обыкновенная история»: *страсти, дела, удовольствия; поменьше любить, не думать, не отводить, не плакать, не страдать; природу, ласки, благоговенье, постель, яства, мурлыканье; о горе, слезах, бедствиях; лип, шиповника, черемухи, кустов сирени; со всею обстановкою, с деревьями, цветами; съездите, склоните, скажите, выхлопочите; взвешено, узнано, оценено; велики, славны, красивы, горды и т.п.*

4. Синтаксический параллелизм

Характерной особенностью раннего творчества Гончарова является создание ритма повторами различных тождественных синтаксических конструкций: соотносятся друг с другом части сложного предложения, соизмеримость которых подчеркивается анафорическими повторами: *от расстройства ли // от воображения ли // от потери.*

Нередки в повести Гончарова синтаксические конструкции, построенные по схеме: анафорический повтор + сказуемое + однородные члены предложения + причастные и деепричастные обороты. Например: *он нарек... и, составив... начал имевшую прекрасное местоположение // он изучил и, соединив их с своими... начал... пригласил // он уже помышлял.*

Ритм создается повторением простых предложений в составе сложного целого, не осложненных обособленными или иными подобными конструкциями по типу *подлежащее + сказуемое + дополнение (обстоятельство): он закрыл лицо платком // он был жалок и ужасен // он с трудом переводил дыхание // глаза потеряли блеск // щеки опустились* [5, с. 89]. Гораздо чаще писатель создает достаточно заметные ритмические пассажи благодаря перечислению аналогично построенных простых предложений, усложненных причастными оборотами и уточняющими членами предложения, в составе сложного синтаксического целого: *зблудившийся путник с ужасом замечает // расчетливый купец, неудачно или удачно торговавший целый день, с ворчаньем запирает лавку // еще – живописец, не успевший передать полотну заветную мечту, с досадой бросает кисть // да поэт, житель чердака, грозит в сумерки проклятиями Аполлона лавочнику, который не отпускает в долг свечей* [Там же, с. 65]. Специфической особенностью данного ритмического фрагмента является комический сравнительный оборот, в котором поэт – житель чердака – уподобляется олимпийскому богу Аполлону, одна из мифологических функций которого проявляется в карательной силе стреловержца [8, с. 55].

5. Антитетический параллелизм

В «Счастливой ошибке» наблюдается антитетический параллелизм – термин, названный по аналогии с синтаксическим параллелизмом, означающий то, что соотносятся друг с другом аналогичные синтаксические конструкции с противоположной семантикой. Подобный ритмический прием встречается и в других произведениях Гончарова, но его проявления довольно-таки редки. В этой же повести можно говорить об антитетическом параллелизме как о доминирующем ритмообразующем факторе. Столь частотное употребление такого рода синтаксических конструкций, построенных по принципу контраста, связано, по-видимому, с тем, что антитеза является основным сюжетно-композиционным приемом «Счастливой ошибки»: в первой половине повести действие происходит в сумерках, и главные персонажи – Елена Нейлейн и Егор Адуев – расстаются, затем события разворачиваются в дневное время, и влюбленные счастливым образом соединяются [1].

С изменением хронотопа происходит психологическая трансформация героев. По принципу антитетического параллелизма построены портретные, психологические описания Егора и Елены: «Сумерки уже кончились. <...> То не была уже светская, гордая девушка, царица зал... Нет! С нее спала мишура... всякий сказал бы, что это просто несчастная девушка» [5, с. 81]. Или: «Какая разница между приездом и отъездом! За час он летел еще с надеждой... теперь она не существовала для него более. Он шел тихо, как ходят все несчастные, склонив голову на грудь...» [Там же, с. 84].

Сумерки фальшивы: в них *подчиненный смело меряет глазами начальника с ног до головы // влюбленный смело пожирал взорами красоту возлюбленной и дерзает на признание // взяточник, хотя шепотом, однако без ужимок объявляет, какую благодарность и в каком количестве чаял бы он получить за дельце.* В «Счастливой ошибке» семантика слова «свет» многозначна, речь идет не только о времени суток или о «высшем свете», но и о свете, который, подобно огню, обладает очищающей функцией, он разоблачает: «Но вот несут свечи: вдруг все оживилось... А какая перемена в людях! *подчиненный уж смотрит в лакированные сапоги начальника, влюбленный стоит почтительно за стулом возлюбленной, взяточник кланяется и приговаривает: "Что вы! что вы! Какая благодарность! это мой долг!"* – неосторожные раскаиваются в своей доверенности, и взоры перестают страстно глядеть; место презрения заступает сухое почтение или страх» [Там же, с. 66-67]. Ритм образуется как тематическими сопоставлениями и противопоставлениями понятий *сумерки – день, фальшь – истина*, так и синтаксическими аналогами: перечислением одинаково построенных простых предложений – *подлежащее + сказуемое + дополнение (обстоятельство)* – в составе синтаксического периода.

Таким образом, в «Счастливой ошибке» И. А. Гончарова ритмическая проза образуется факторами, весьма показательными для подобной прозы: лексическими, звуковыми, синтаксическими повторами. Такие ритмообразующие факторы встречаются и в малой, и в романной прозе писателя. В отличие от других произведений, в «Счастливой ошибке» основным ритмообразующим приемом является принцип антитетического параллелизма. Появление этого принципа обусловлено сюжетно-композиционной, жанровой спецификой «Счастливой ошибки», представляющей собой художественно совершенный жанрово-стилевой конгломерат с ярко выраженной гончаровской индивидуальностью. Кроме того, ритм способствует выявлению комического начала в произведениях писателя.

Список литературы

1. Багаутдинова Г. Г. Жанрообразующие традиции в «Счастливой ошибке» И. А. Гончарова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (33): в 2-х ч. Ч. 1. С. 23-25.
2. Багаутдинова Г. Г. Ритмообразующие факторы в повести И. А. Гончарова «Лихая болезнь» // Материалы V Межд. науч. конф., посвященной 200-летию со дня рождения И. А. Гончарова: сб. статей русских и зарубежных авторов. Ульяновск: Изд-во «Корпорация технологий продвижения», 2012. С. 74-81.

3. Багаудинова Г. Г. Факторы ритмической прозы в очерке И. А. Гончарова «Пепиньерка» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 3 (57): в 2-х ч. Ч. 2. С. 12-14.
4. Багаудинова Г. Г., Радыгин И. С. Ритм художественной прозы в романе И. А. Гончарова «Обыкновенная история» // Вестник Марийского государственного университета. 2016. № 1 (21). С. 87-90.
5. Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20-ти т. СПб.: Наука, 1997. Т. I. 830 с.
6. Гузь Н. А. Ритмическая организация в романах И. А. Гончарова // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 4. С. 3-6.
7. Жирмунский В. М. О ритмической прозе // Жирмунский В. М. Теория стиха. Л., 1975. С. 569-586.
8. Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Советская энциклопедия, 1990. 672 с.
9. Пырьков И. В. Ритмическая организация романа И. А. Гончарова «Обломов»: дисс. ... к. филол. н. Саратов, 2006. 149 с.

FACTORS OF RHYTHMIC PROSE IN I. A. GONCHAROV'S STORY "HAPPY MISTAKE"

Bagautdinova Gul'zada Gadul'yanovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Marii State University, Yoshkar-Ola
gbagautdinova@yandex.ru

The subject of the research is poorly studied aspect of I. A. Goncharov's studies – the rhythm of artistic prose. The article reveals the basic principles of rhythmic prose – phonetic, lexical and grammatical repetitions, syntactic parallelism – in comparison with the other works of the writer. The paper formulates and reveals a new rhythm-forming factor of prose – antithetic parallelism. It also identifies certain patterns of rhythm formation in I. A. Goncharov's creativity. Rhythm is determined as an aesthetic marker of the writer's prose artistry. The author concludes that rhythm, along with the comic, is one of the specific features of the poetics of Goncharov's prose.

Key words and phrases: rhythmic prose; phonetic repetitions; lexical repetitions; syntactic analogs; rhythmic factors; rhythm-forming principles; rhythm function.

УДК 070

В данной статье предпринята попытка отследить ценностные изменения, происходившие в журналистской среде в зависимости от поколенческой принадлежности специалистов, и динамику журналистского речевого поведения относительно смены политических парадигм через анализ главных тем заданных периодов. При этом само выявление социально значимых информационных поводов (ключевых слов) подразумевает как использование результатов сторонней оценки, так и исследование перепадов внутри самого журналистского сообщества.

Ключевые слова и фразы: поколения; политические поколения; социализация; теория поколений; политические ценности; журналистика; частотность; идеологемы; речевое поведение.

Баркинхоева Залина Магомедовна

Санкт-Петербургский государственный университет
zalinabarkin@gmail.com

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА ЭПОХИ КАК МАРКЕР ДИНАМИКИ ОРИЕНТИРОВ ПОКОЛЕНИЙ РОССИЙСКИХ ЖУРНАЛИСТОВ

В марте 1990 года в одном из номеров газеты «Известия» был опубликован материал фельетониста Юрия Макарова «Слово за слово или Очень краткий курс» [3, с. 88]. Меньше 300 слов, описывающих историю России от дореволюционной эпохи до событий, предшествовавших развалу СССР. В тексте имеется рефрен, который хоть и хронологически привязан к имперскому времени («ананас» – отсылка к «ананасному» манифесту Александра III; «расстегай», «окорок», «канарейка» – здесь же надо вспомнить заведенные сначала в дворянских, а позже и купеческих сословиях порядки времен романа «Эй, ямщик, гони-ка к Яру»), однако приводится автором в качестве тизера к переломным историческим моментам. Этими же словами и завершается публикация, предсказывая, таким образом, все позже произошедшее в стране и со страной.

Как видим, в очевидно иронично окрашенном произведении публицист использует прием языковой игры, опирающийся на номинативную функцию языкового знака и абсолютизирующий его [4, с. 92].

Но интерес представляет то, что собранные автором слова – не требующие разъяснения для российского/советского человека устойчивые ассоциативные единицы, многие из которых закладывались в сознание с помощью средств массовой информации.

Какую ценность представляет данный материал в контексте изучения политических поколений в журналистике? Приведем слова В. А. Сидорова, отмечающие дуальность в природе журналистики: «...выступая в качестве носителя, она вбирает в себя ценности своего времени и своего общества и репрезентирует их в этом обществе и за его пределами; будучи частью духовной жизни общества, в которой рождаются новые идеи, смыслы, понимания, образы, научные истины и пр., она генерирует и распространяет определенные ценности, которые могут быть созвучны времени их создания, опережать/отставать от него» [6, с. 15].